

Тарасий

**Великороссийское и
малороссийское богословие
XVI и XVII веков**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Т19

Т19 **Тарасий**
Великороссийское и малороссийское богословие XVI и XVII веков / Тарасий –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 128 с.

ISBN 978-5-458-02189-0

ISBN 978-5-458-02189-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Великороссійское и малороссійское богословіе XVI и XVII вѣковъ.

I.

Общій характеръ богословія московскаго и кіевскаго.

Въ XVI столѣтіи русская помѣстная Церковь первый и, кажется, единственный разъ услышала могучій отголосокъ вселенскаго святоотеческаго богословія, а въ слѣдующемъ столѣтіи кіевскіе схоластики положили у насъ начало школьной богословской наукѣ. Оба эти явленія, вызванныя чрезвычайными историческими обстоятельствами, имѣли совершенно различную судьбу. Богословіе кіевское скоро проникло въ Москву; встрѣченное здѣсь недружелюбно и подозрительно, оно нашло сильную поддержку въ лицѣ почитателя Запада Государя Петра 1-го и при его содѣйствіи распространилось по всей Россіи и овладѣло учрежденной въ XVIII столѣтіи духовной школой, гдѣ съ небольшими видоизмѣненіями существуетъ и до сихъ поръ.

Совершенно иная участь постигла богословіе московское. Ни одно изъ движеній русской мысли не имѣло противъ себя такихъ многочисленныхъ, разнообразныхъ и ожесточенныхъ враговъ, какъ это свѣтлое и благородное направленіе богословскаго развитія нашего общества. Осторожная подозрительность высшей духовной власти, невѣжественное суевѣріе народа, упадокъ монастырской жизни при Петрѣ I и, наконецъ, западническое теченіе всей русской жизни, сильно ослабило богословіе московское. Блестящее въ XVI вѣкѣ, оно не имѣетъ уже сильныхъ выразителей въ слѣдующихъ вѣкахъ. Большой катихизисъ малоросса Лаврентія Зизанія положилъ свой характерный отпечатокъ на мышленіе московскихъ книжниковъ противъ ихъ воли и даже безъ ихъ вѣдѣнія. До чего дошло богословское невѣжество и

формальное буквоѣдство въ XVII вѣкѣ, лучше всего свидѣтельствуесть печальная исторія русскаго раскола такъ называемаго старообрядчества. Было бы крайнимъ легкомыслиемъ и непростительнымъ непониманіемъ духа Церкви считать ваяковъ раскола продолжателями московскихъ богослововъ XVI вѣка. Насколько намъ извѣстны ихъ тенденціи, религіозная доктрина раскола представляетъ печальную смѣсь крайняго московскаго невѣжества, обоснованнаго на схоластическихъ формулахъ католическаго происхожденія. Если святоотеческое направленіе не исчезло въ Россіи совсѣмъ, то оно всегда представляло что-то совсѣмъ отдѣльное отъ богословской науки. Оно проявлялось главнымъ образомъ въ устной проповѣди, частной перепискѣ и даже частныхъ бесѣдахъ нашихъ наиболѣе просвѣщенныхъ духовно іерарховъ.

Богословы московскіе: общія свѣдѣнія о нихъ.

„И слово мое и проповѣдь моя не въ убѣдительныхъ словахъ челоувѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы (1 кор. 2, 4).“

Памятуя принятіе отъ Греческой Церкви благодати Св. крещенія, Русская Церковь всегда смотрѣла на сокровища духовной мудрости греческихъ отцовъ, какъ на главный источникъ своего просвѣщенія. Поэтому, составляя въ опроверженіе ересей истинно православное рѣшеніе спорныхъ вопросовъ, наши богословы прежде всего обращались къ твореніямъ св. отцовъ Церкви Восточной. Но такъ какъ ереси русскихъ лжеучителей представляли изъ себя, какъ видно изъ характеристикъ жидовствующихъ (Просвѣтитель) и Θεодосія Косого (Зиновій Отенскій) пустое и бездоказательное отрицаніе истинъ вѣры на почвѣ нравственной разнузданности и гнустнаго разврата, то нашимъ богословамъ приходилось цѣликомъ заимствовать изложеніе догматовъ изъ твореній греческихъ догматистовъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя выдержки изъ свв. отцовъ въ твореніяхъ Іосифа Волоколамскаго и Зиновія Отенскаго, а блаженный Максимъ, положившій начало иноческой жизни на св. Аѳонѣ, имѣлъ возможность пользоваться святоотеческими твореніями въ подлинникахъ. На свои творенія они смотрѣли, какъ на сводъ святоотеческихъ ученій съ объяснительными для данныхъ обстоятельствъ примѣчаніями. „Азъ мало нѣчто собрахъ отъ божественныхъ писаній, сопротивно и обличительно еретическимъ рѣчамъ... собрахъ во едино отъ различныхъ писаній божественныхъ, яко да вѣдущіи божественныя писанія, прочетше, да воспомянутъ себѣ, невѣ-

дующіи же прочетше, да разумѣють. И аще кому что потребно будетъ противу еретическимъ рѣчемъ и благодатию Божию обрящеть готово безъ труда въ коемуждо словѣ (Просв. 48 стр.). Другой защитникъ православія той эпохи, блаженный инокъ Зиновій такъ повѣствуетъ о своихъ разсужденіяхъ съ клирошанами, послѣдователями ересе-ученія Θεодосія Косого: „по прочтеніи же словесе Великаго Василия разыдохомся предпочити, рекъ имъ пріити по двѣхъ нѣкоихъ, упразднитися мнѣ в малѣ къ посту и прилежати къ молитвѣ, испросити благодати, яко да дасть Господь слово къ отвѣту, якоже и прежнему словеси Великаго Василия, просивъ у Господа отвѣщевати“. „Истинны показанія, 728). Максимъ Грекъ, какъ и всѣ лучшіе представители греческаго монашества, считалъ чтеніе святоотеческихъ твореній своимъ главнымъ занятіемъ и лучшимъ утѣшеніемъ. Какъ относился онъ къ дивнымъ, исполненнымъ силы и духовной красоты твореніямъ своихъ великихъ соплеменниковъ, лучше всего свидѣлствуютъ слѣдующія трогательныя строки, писанныя, повидимому, изъ заключенія: „къ тому молю васъ Бога ради, послите ми на поддержаніе Григорія Богослова, книгу греческую съ толкованіемъ, Бога ради послите ми ея“ (II, 386).

Отмѣтивъ, такимъ образомъ, фактъ несомнѣннаго заимствованія у греческихъ св. отцевъ и писателей, посмотримъ, сочиненіями какихъ именно авторовъ пользовались наши богословы XVI столѣтія. Въ „Просвѣтителѣ“ Іосифа Волоколамскаго мы находимъ выдержки почти изъ всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ отцовъ восточной Церкви; Зиновій Отенскій пользовался главнымъ образомъ аскетическими твореніями Великаго Василия. Творенія какихъ же именно церковныхъ писателей были въ XVI вѣкѣ въ русскомъ переводѣ и чѣмъ пользовался преп. Іосифъ въ своихъ многочисленныхъ ссылкахъ на событія церковно-историческія, чѣмъ особенно отличается 13 слово „Просвѣтителя“? На русскомъ языкѣ въ XVI вѣкѣ была обширная переводная литература и ей именно пользовался преп. Іосифъ, почти всегда называя святоотеческія творенія писаніями божественными, тѣмъ самымъ выражая свое особенное къ нимъ уваженіе. Онъ, разумѣется, не смѣшивалъ съ ними книгъ библейскихъ, какъ видно изъ 5 и 6 словъ „Просвѣтителя“; онъ только утверждалъ, „яко святыхъ отецъ писанія истинна суть: понеже согласна суть пророческимъ и апостольскимъ писаніемъ“. Помимо твореній святоотеческихъ пр. Іосифъ часто ссылался на патерики и хронографы. Отъ XVI столѣтія остались слѣдующія переводныя творенія, ссылки на которыя встрѣчаются въ „Просвѣтителѣ“: Творенія Діонисія Ареопагита, Аванасія Великаго на арианъ, Кирилла Іерусалимскаго, Василия Великаго постническаго слова, Златоструй (собраніе словъ св. Іоанна Златоуста), Маргаритъ (его же), Лѣствица св. Іоанна Синай-

скаго, Исаака Сирина и др. Кроме того отъ XVI столѣтія остались многочисленныя прологи, лавсаики и патерики, откуда наши богословы почерпали свѣдѣнія историческаго порядка. Вліяніе перечисленныхъ нами авторовъ несомнѣнно; на нихъ существуютъ ссылки въ твореніяхъ нашихъ богослововъ, особенно преп. Іосифа, талантливѣйшаго изъ русскихъ догматистовъ. Что же касается до особеннаго, исключительнаго вліянія какого либо отдѣльнаго отца на нашихъ богослововъ, то можно сказать, что вся догматическая часть „Просвѣтителя“ заимствована изъ капитальнаго творенія преп. Іоанна Дамаскина. Большинство разсужденій Отенскаго инока Зиновія состояло въ истолкованіи аскетическихъ правилъ Св. Василія Великаго, которыя, повидимому, были хорошо знакомы и оппонентамъ. Зиновія Относительно образованнѣйшаго изъ русскихъ авторовъ XVI вѣка, блаженнаго Максима можно сказать, что среди скорбныхъ обстоятельствъ своей жизни, онъ мысленно переносился въ вѣкъ разцвѣта богословскаго вѣдѣнія и положительно жилъ идеями и понятіями IV вѣка. Обличая латинянъ въ употребленіи на евхаристіи опрѣсноковъ, онъ весьма искусно обвиняетъ ихъ въ тайномъ исповѣданіи лжеученія Аполлинаря. Это обстоятельство показываетъ, до какой степени преп. Максимъ проникся духомъ древне-церковныхъ преданій, а съ какою ревностью изучалъ онъ отеческія творенія, мы видѣли выше.

Помимо догматическихъ и аскетическихъ твореній св. отцовъ, богатымъ источникомъ истинныхъ понятій о предметахъ высшаго вѣдѣнія служили богослужебныя книги. Всѣ наши богословы XVI вѣка по своему внѣшнему положенію должны были знать божественную службу, а что они знали ее въ дѣйствительности, свидѣтельствуетъ житіе преп. Іосифа, гдѣ говорится, что нѣкоторое время послѣ пожара, истребившаго всѣ монастырскія книги, преп. Іосифъ правилъ службу наизусть. Но что бы точно и пунктуально указать всѣ заимствованія изъ богослужебныхъ книгъ, нужно произвести особое изслѣдованіе, едва-ли важное по существу дѣла, такъ какъ сказаннаго нами вполне достаточно для признанія богослужебныхъ книгъ (главнымъ образомъ Октоиха), какъ важнаго источника русскаго богословія XVI вѣка. Составленное, такимъ образомъ, исключительно по святоотеческимъ твореніямъ богословіе наше было святоотеческимъ и по своей формѣ. Это не требуетъ особыхъ доказательствъ, да и едва-ли важно, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ. Но помимо этого оно было святоотеческимъ и по духу, что составляетъ предметъ несомнѣнно исключительной важности.

II.

Церковность древнерусскаго богоеловетвованія.

Какія именно творенія слѣдуетъ считать святоотеческими и до какой степени простирается авторитетъ святоотеческихъ мнѣній, это вопросъ очень важный. Преп. Максимъ Грекъ выставляетъ такіе признаки для признанія какого-л. творенія святоотеческимъ: „подобаетъ вѣдѣти“, пишетъ онъ, „яко всякое писаніе трети нѣкими свойствы изрядно достовѣрное и твердо иматъ: аще убо отъ благовѣрнаго и соборнѣй Церкви знаема и знаменитаго писателя сложено бысть; второе: аще по всему согласуетъ, яко же предречеса, апостольскимъ догматамъ и преданіемъ; третіе: аще кто само къ себѣ по всему согласуетъ, а нигдѣ же различествуетъ (т. III, 127). Преп. Іосифъ Волоцкій, какъ мы имѣли случай видѣть выше, главный признакъ достоинства святоотеческихъ твореній усматриваетъ въ ихъ согласіи съ писаніями апостольскими и пророческими. При всей важности указанныхъ признаковъ ихъ нельзя назвать безусловно существенными: они опредѣляютъ внѣшнія свойства святоотеческихъ твореній, отличающія ихъ отъ произведеній не имѣющихъ отеческаго авторитета, но отнюдь не выражаютъ ихъ внутренняго духа, однимъ имъ присущаго. Личность автора, конечно, имѣетъ здѣсь тоже не маловажное значеніе: произведенія еретиковъ или представителей чуждаго благочестія, пониманія жизни, внѣшнихъ философовъ, никогда не могутъ считаться твореніями святоотеческими, хотя бы явно и не противорѣчили Слову Божію, но здѣсь важно только православіе, а не знаменитость автора, ибо постановленія архіеп. Феофила Александрійскаго, знаменитаго въ отрицательномъ смыслѣ, считаются писаніями каноническими наравнѣ съ постановленіями принимаемыхъ соборовъ. Согласіе съ апостольскими и пророческими писаніями скорѣе служитъ признакомъ уже принятыхъ твореній, а вовсе не критеріемъ, такъ какъ историческій опытъ свидѣтельствуетъ, что не было еще на почвѣ христіанства ни одного лжеученія, не старавшагося опираться въ своихъ разсужденіяхъ на слово Божіе. Что же касается третьяго признака, то онъ чрезвычайно важенъ, когда за святоотеческія творенія выдають произведенія совершенно чуждыя смысла и полныя внутреннихъ противорѣчій; но вообще его незачѣмъ подчеркивать, ибо это признакъ общій для всѣхъ произведеній здраваго человѣческаго разума. Намъ кажется, что важнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ святоотеческихъ твореній служатъ ихъ внутренняя, какъ бы органическая связь съ ученіемъ

Церкви. Только тѣ творенія можно считать отеческими въ строгомъ смыслѣ, гдѣ какъ бы исчезаетъ личность автора, гдѣ онъ какъ бы сливается со всей Церковію и говорить отъ ея лица не въ силу своего положенія въ Церкви, а по глубокому и непреодолимому влеченію духа. Только тотъ церковный писатель можетъ быть названъ отцемъ Церкви, который въ своей жизни видитъ исключительно жизнь Церкви и который всю жизнь, всѣ событія разсматриваетъ и оцѣниваетъ съ точки зрѣнія церковной жизни. Намъ кажется, что этими свойствами въ значительной степени обусловливается личная святость авторовъ. Все же индивидуальное, написанное даже знаменитымъ и несомнѣнно святымъ авторомъ, хотя и представляетъ чрезвычайный интересъ для психологій благочестивой души, не имѣетъ общецерковнаго значенія. А творенія, носящія слѣды личныхъ недоразумѣній и омраченныя духомъ вражды, могутъ быть отнесены къ ряду обычныхъ литературныхъ памятниковъ, въ отношеніи же къ личности авторовъ—это просто доказательство чело-вѣческой немощи.

Русскіе богословы XVI столѣтія смотрѣли на земную жизнь съ точки зрѣнія ея высокаго назначенія. Для нихъ не существовало національныхъ интересовъ, политической вражды, патриотическаго самолюбія; прежде всего они видѣли Вселенскую Церковь, лучами своей благодати озаряющую весь міръ. Преп. Іосифъ склоненъ любить свое отечество постольку, поскольку оно служитъ цѣлямъ вселенскаго православія и представляетъ собою любимую дщерь Церкви Восточной. Разсуждая о судьбахъ своего отечества, онъ съ горечью говоритъ: „По всѣмъ же странамъ спасенія проповѣдь евангельская изыде и вси отъ тмы идольскія избавлены быша и свѣтомъ богоразумія озаришася, точю же русская земля помрачашеся тмою идолобѣсіа, и скверными дѣлы до конца осквернена суци. И много убо время преиде по вознесеніи на небо Единороднаго Сына (29)“. Потомъ продолжаетъ съ радостью о крещеніи Руси, какъ объ особой чрезвычайной милости Живоначальной и достопоклоняемой Троицы. И, наконецъ, съ восторгомъ утверждаетъ великое благочестіе и вѣрность вселенскому православію юной помѣстной Церкви. „Отъ того времени“, пишетъ онъ (т. е. отъ крещенія Руси), „солнце евангельско нашу землю осія и апостольскій громъ насъ огласи и божественныя церкви, и монастыри составишася и быша мнози святителіе же и преподобніи чудотворцы и знаменосцы и якоже златыма крылома на небеса возлетаху, и якоже древле нечестіемъ всѣхъ превзыде Русская земля, тако и нынѣ благочестіемъ всѣхъ едолѣ. Во инѣхъ же странахъ, аще и мнози бяще благочестиви и преподобни, но мнози бѣаху нечестиви и невѣрни, съ ними живуще и еретическая мудръствующе; въ Русѣхъ

же земли не токмо веси и села мнози и несвѣдоміи, но и гради мнози суть, иже Единого Пастыря Христа едина овчата суть, и вси единомудръствующе и вси славяще святуу Троицу, еретика же или злочестива нигдѣ же никто видѣль есть“ (31). Далѣе начинается горестное повѣствованіе о началѣ „ерести“ жидовствующихъ, какъ о нарушеніи церковнаго мира и тяжкой хулѣ на церковное ученіе! Преп. Іосифъ смотритъ на Успенскій Московскій соборъ какъ на земное небо, вслѣдствіе его значенія для Церкви Русской, а со времени оскверненія храма Премудрости—Бога Слова и для вселенской Церкви. Скорбя о печальномъ равнодушіи митрополита Геронтія и объ оскверненіи святительскаго престола еретикомъ Зосимою, онъ вспоминаетъ святителей Петра и Алексія, въ которыхъ видитъ не приверженцевъ Москвы и сторонниковъ единой державы, а прежде всего—учителей Церкви, истолкователей божественной истины. „Отлегиша отъ насъ“, пишетъ пр. Іосифъ, „яко щурове добропѣсниви, яко славіе великогласнїи, яко ластовици сладкоглаголови, божественнїи святителіе и величїи чудотворци, Петръ и Алексїе и инїи православнїи святителіе, иже посреди сада церковнаго оглашающе уши слышащихъ православія ученіе. Отлегиша, яко орли крилатїи, иже когти своими истерзающе очеса не зрящихъ право смотреніе Христово, отлегиша къ Христу, иже крылы покрывающе вѣрныхъ множество и оставиша насъ сирь“ (43). Столь бѣдственное положеніе Русской Церкви вслѣдствіе недостойнства, отличавшаго преемника великихъ іерарховъ, заставило пр. Іосифа выступить какъ бы отъ лица Церкви съ своимъ „Просвѣтителемъ“.

То же самое настроеніе въ духѣ глубочайшаго церковнаго пониманія всей жизни отличаетъ и творенія блаженнаго Максима. Судьба южной Европы, юго-западной Азіи и сѣверо-восточной Африки, однимъ словомъ, древней „вселенной“ его интересуетъ исключительно потому, что въ этихъ мѣстахъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, являлся блескъ полного развитія церковной жизни. Какой неподдѣльной скорбью и задушевной горечью звучать всѣ его разсужденія объ упадкѣ церковной жизни. „Гдѣ же въ благовѣрїи и честности богодѣпнѣй возсіявшая красота вкушъ и слава бывшихъ вѣрныхъ въ Іерусалимѣ, и Александріи, и Египтѣ, и Ливїи, и Антиохїи? Гдѣ теплота она и ревность божественная возсіявшихъ въ постѣ, въ скитѣ и въ горѣтѣ Фиваидѣ, и въ различныхъ странахъ и горахъ, богоносныхъ и равноангельныхъ отецъ нашихъ? Гдѣ, яже въ благовѣрїи возрастшая высота преславная и похвала всѣхъ западныхъ языкъ, святая, глаголю, соборная и апостольская Церковь ветхаго Рима?.. Что не глаголю больше всѣхъ бывшихъ на землѣ преславныхъ слышанїи и видѣнїи? Гдѣ высота и неприкладная слава, елика въ области и премудрости и всякой добродѣтели и благозако-

ни и православнѣй вѣрѣ царствія православныхъ христіанъ царей,—царствовавшихъ во всеславнѣмъ и благочестнѣмъ градѣ Константиана Великаго? Гдѣ всемірній онъ свѣтъ благовѣрія, иже подобнѣ солнцу осіявая вселенную всю архіерействовавшими въ немъ равно-ангельными святители... Гдѣ убо нынѣ, яже паче ума и слова тогда совершахуся въ немъ отъ Пречистыя Божія Матере Іисуса, избавляющія его паче надежды частыхъ находеній варварскихъ? Чего ради не возстаеъ Градохранительница и Владычица того на заступленіе и избавленіе всяко? Причину столь печальнаго положенія апостольскихъ престоловъ блаженный Максимъ усматриваетъ не въ естественныхъ политическихъ обстоятельствахъ эпохи, а въ исполненіи особыхъ плановъ домостроительства Христова, вызванныхъ грѣхами чадъ Церкви. На всѣ вышеприведенные вопросы онъ даетъ одинъ отвѣтъ: „преже дерзнутыхъ ради въ немъ, нашими прародители неизцѣльныхъ беззаконій“ (тамъ же). Приведенныя выдержки свидѣтельствуютъ о глубинѣ церковнаго міровоззрѣнія и міропониманія разсматриваемыхъ нами авторовъ. Но этого мало: всѣ существующіе устои общественной жизни обсуждаются съ строго церковной точки зрѣнія. Въ силу строго-церковнаго строя жизни, не видя необходимости отдѣлять церковную жизнь отъ государственной, ибо Церковь представляла собою все, а государство лишь дань человѣческой ограниченности, пр. Іосифъ и правительственную власть почитаетъ, поскольку она является слугою Церкви, но „аще ли же есть царь надъ человѣки царствуя, надъ собою же имать царствующа скверныя страсти и грѣхи, сребролюбіе же и гнѣвъ, лукавство и неправду, гордость и ярость, злѣйши же всѣхъ, невѣріе и хулу, таковый царь не Божій слуга, но діаволь, и не царь, но мучитель. Таковаго царя, лукавства его ради, не нарече царемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, но лисомъ...¹⁾ таковаго царя или князя да не послушаеши, на нечестіе и лукавство приводяща тя, аще мучить аще смертію предать“ (287). Предъ ревностью о славіи Церкви должны отступити и родственныя узы: „се есть врази, иже егда отецъ, и мать, или сынъ, или дщерь совратится отъ правыя вѣры, подобаетъ ненавидѣти ихъ, и отвращатися, и бѣгати отъ нихъ, яко да не съ ними погибнемъ“ (474). Мало того,—самое дорогое для чувства пр. Іосифа,—іерархическій принципъ церковной дисциплины сохраняется дотолѣ, пока іерархія соотвѣтствуетъ своему высокому назначенію. Несмотря на свой игуменскій санъ, Волоцкій настоятель не постѣснился выступить обличителемъ всероссійскаго митрополита, когда тотъ оказался еретикомъ и, какъ основное начало каноническаго міровоззрѣнія преп. Іосифа слѣдуетъ считать его мысль, что іерар-

¹⁾ Т. 1., 133, 134, 135, стр.

хическія преимущества дѣйственны только при условіи вѣрности Церкви. Относительно же священниковъ и епископовъ, нарушившихъ эту вѣрность, онъ повторяетъ слова св. Аванасія Великаго; „уне есть безъ нихъ собиратися въ храмъ молитвенный, неже съ ними воврещися, яко съ Анною и Каифою въ геенну огненную“ (272).

III.

Источникъ разумѣнія богооткровенныхъ истинъ — созерцаніе.

Проникновеніе духомъ Церкви, вводящей человѣка въ область явленій божественныхъ, давало святымъ отцамъ особую силу познанія, почти невѣдомую остальному человѣчеству. Сила эта—созерцаніе. Въ области мірской къ ней отчасти приближается вдохновеніе поэтовъ, далеко, впрочемъ, уступающее созерцанію по чистотѣ, а, слѣдовательно, по силѣ. Первое условіе созерцательнаго вѣдѣнія—это *благочестіе*, а главная сила благочестія—*молитва и чтеніе* Божественныхъ Писаній. Нужно замѣтить, что вожди созерцательной жизни не раздѣляютъ эти два дѣланія, дѣйствительно невозможныя одно безъ другого. „Въ отношеніи къ Божественному Писанію то, чтобы читать оное, въ нашей состоитъ власти, а то, чтобы понимать читаемое, и отъ насъ зависитъ и не отъ насъ. Отъ насъ зависитъ стараніе и вниманіе, какія надлежитъ имѣть при чтеніи; то же, чтобы понимать читаемое, есть дѣло благодати Божіей... Чтеніе научаетъ человѣка тому, что руководитъ его къ Богу и дѣлаетъ Божіимъ; молитва дѣлаетъ то, что Богъ милосердствуетъ къ человѣку и просвѣщаетъ умъ его, чтобы понималъ и помнилъ прочитанное. То, что написано объ иныхъ мірскихъ дѣлахъ, читающіе могутъ понимать и сами, но вещей божественныхъ и спасительныхъ никому невозможно понять или помнить безъ просвѣщенія отъ Святаго Духа“ (43 сл. Сим. Н. Б.). Это драгоцѣнное свидѣтельство принадлежитъ преп. Симеону, за созерцательную силу своихъ твореній получившему наименованіе Новаго Богослова. По сравненію съ обычнымъ способомъ человѣческихъ изслѣдованій, созерцаніе есть путь совершенно особый, стоящій внѣ обычныхъ условій. Св. Исаакъ говоритъ объ этомъ такъ: „когда умъ обновленъ и сердце освящено, тогда всѣ возникающія въ немъ понятія возбуждаются сообразно съ естествомъ того міра, въ который вступаетъ онъ. Сперва возбуждается въ немъ любовь къ божественному, и вождѣлѣваетъ онъ общенія съ ангелами

и откровения тайнъ духовнаго вѣдѣнія тварей, и возсіяваетъ въ немъ созерцаніе тайнъ Святыя Троицы, также тайнъ достопоклоняемаго ради насъ домостроительства и потому всецѣло входитъ въ единеніе съ вѣдѣніемъ надежды будущаго» (слово 55 посл. къ преп. Симеону). Вѣдѣніе созерцательное постоянно считалось особымъ даромъ божественной благодати, а отнюдь не обычнымъ развитіемъ психическихъ силъ. Что мнѣніе это справедливо, свидѣлствуютъ слѣдующія слова Антонія Великаго, обращенныя къ ученикамъ, стремившимся къ созерцанію. «Я молился о васъ, да сподобитесь и вы получить того великаго и огненнаго Духа, котораго получилъ я. Если хотите Его получить такъ, чтобы Онъ пребылъ въ васъ, принесите прежде труды тѣлесныя и смиреніе сердца и восторгая помышленія свои на небо день и ночь, взыщите съ правотою сердца Духа сего огненнаго, и Онъ дастся вамъ. Симъ образомъ получилъ Его Ілія Фесвитянинъ и Елисей съ прочими пророками. Кто воздѣлываетъ себя этимъ воздѣлываніемъ, тому дается Духъ сей навсегда и на вѣки. Пребудьте въ молитвахъ съ преоблѣзненнымъ исканіемъ отъ всѣхъ сердецъ вашихъ, и дастся вамъ, ибо Духъ тотъ обитаетъ въ правыхъ сердцахъ. И Онъ, когда принять будетъ, откроетъ вамъ высшія тайны и будете въ этомъ тѣлѣ какъ тѣ, кои уже находятся въ Царствіи» (Доброт. т. 1, 34). Мы вправѣ считать святоотеческое богословіе созерцательнымъ, такъ какъ сами отцы смотрѣли на созерцаніе какъ на главное условіе истиннаго познанія божественныхъ явленій. «О Немъ (т. е. о Богѣ), пишетъ св. Григорій Богословъ, могутъ разсуждать только опытные, успѣвшіе въ созерцаніи, а прежде всего, — чистые душой и тѣломъ, или по крайней мѣрѣ очищающіе себя» (О богосл. сл. 1). Если мы посмотримъ на творенія русскихъ отцовъ XVI вѣка съ точки зрѣнія ихъ метода, то увидимъ, что всѣ они запечатлѣны духомъ высокаго созерцанія. Мы видѣли уже выше, что блаженный инокъ Зиновій приготавлился постомъ и молитвою къ бесѣдѣ съ послѣдователями Феодосія Косого. Пр. Іосифъ Волоцкій съ особенною настойчивостью проводитъ мысль о необходимости духовныхъ подвиговъ для тѣхъ, которые пытаются изслѣдовать содержаніе христіанскаго ученія. «Еже убо божественная Писанія насъ поучаютъ и законополагаютъ извѣстно и непокровенно, сихъ подобаетъ въ законъ пріимати и хранити. А еже покровенно вѣщаютъ и въ притчу и въ прилучай, или премудростію глаголютъ, о сихъ подобаетъ Богу молити съ смиреніемъ и многымъ трудомъ, и съ совѣтомъ искусныхъ, дѣломъ паче, а не словомъ навѣщати: потаена же святыми Писаніи никакоже искати, сколько бо есть се. Якоже рече великій апостоль: „тѣмъ же убо, о человѣче, кто сей, отвѣщай Богови? Но наче отрицатися сего, яко недостойнымъ сущимъ. Много бо